

РАЗДЕЛ 3

ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Е.А. Бруханчик
КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ 1812 Г.

Кредитно-банковская система Российской империи дореформенного периода была представлена государственными кредитными учреждениями: Вспомогательным банком для дворянства (1786 г.), Коммерческим банком в Санкт-Петербурге (1754 г.), Заемным банком (1785 г.), казнами воспитательных домов и Приказами общественного призрения [1]. Банки осуществляли свои операции в Москве и Санкт-Петербурге, приказы общественного призрения имелись в ряде российских губерний. В Беларуси к началу военных действий 1812 г. были учреждены Могилевский (1781 г.), Минский (1796 г.), Витебский (1802 г.) и Гродненский (1805 г.) приказы.

Однако все перечисленные кредитно-финансовые учреждения в своей работе не придерживались территориального принципа: любой дворянин мог получить ссуду в каждом кредитном заведении независимо от места своего проживания при наличии хорошей кредитной истории и солидного залога. В первой половине XIX в. при неразвитости промышленности и торговых операций, банки, казны воспитательных домов и приказы общественного призрения были единственными источниками вложения капитала и ее получения на условиях ссуды. Именно по этой причине ликвидация даже одного из этих заведений приводила к замедлению экономического развития государства.

Военные действия второй половины 1812 г. нанесли серьезный урон финансовой жизни Российского государства: часть средств всех Приказов общественного призрения были переданы на военные нужды действующей армии, оставшиеся (за исключением Санкт-Петербургского и Московского Приказов) были на время переданы в государственное казначейство. Кредитные операции были остановлены [7, с. 396].

Проводилась экстренная эвакуация учреждений. 15 августа 1812 г., накануне вступления наполеоновских войск в Москву, почетный опекун Воспитательного дома Александр Михайлович Лунин по распоряжению императрицы Марии Федоровны возглавил эвакуацию Сохранных казен, в Казань [2, с. 46]. В это же время большая часть денежной казны Московского отделения Ассигнационного банка (420,3 тыс. руб. ассигнациями и около 534 тыс. руб. медной монетой), а также почти весь штат были сначала эвакуированы во Владимир, потом – в Нижний Новгород [4, с. 7]. Однако, в отличие от ассигнаций, часть суммы в медной монете – 323,4 тыс. руб. – по указанию генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина была оставлена в Москве под присмотром «особого чиновника». На ее транспортировку не хватало как подвод, так и времени [2, с. 81].

Отделение вернулось в Москву 26 декабря 1812 г. Чиновники банка обнаружили опечатанные двери и пропажу 16 тыс. руб. из кладовой [4, с. 41–42].

Очевидец тех событий врач А. Нордхоф, служивший у графа И.В. Гудовича, писал, что виновниками пропаж были крестьяне, хозяйничавшие в городе при

отступлении французов: «Имперский банк, имевший большие запасы медной монеты, был начисто разграблен крестьянами. Даже большое количество необработанной меди, которая лежала во дворе и была обращена в банковские залоги, была погружена и увезена. Ее стоимость оценивалась в 40 тыс. руб. В публичных местах у крестьян были повозки, нагруженные медной монетой, которая разменивалась на бумажные деньги с лажем в 75 %. Такой обмен длился несколько дней» [2, с. 82–83].

Оставленные в спешке помещения кредитных учреждений неприятель приспособлял для своих нужд. В пустовавшем здании Воспитательного дома в 1812 г. французами были размещены погорельцы. Там же находился госпиталь армии Наполеона. Операции казен возобновились по окончании Отечественной войны 1812 г., когда Воспитательный дом был отремонтирован и достроен [2, с. 46].

Разграбление Москвы и пожар привели к банкротству многих купцов, потерявших в грабежах свои товары. Это означало, что они не могли вернуть взятые в кредитных учреждениях ссуды. В силу сложившегося безнадежного положения по Высочайшему повелению в 1817 г. было списано долга «торговых людей» Московской учетной конторе на 1,4 млн. руб. [6, с. 36].

В результате военной оккупации из всех заведений Приказа общественного призрения в Московской губернии и в самой Москве уцелели только Екатерининская богадельня и больница, дома умалишенных, рабочий и смиренный, но все имущество их было разграблено. Другие здания сгорели во время пожара, в том числе и четыре дома на Арбате, отдававшиеся Приказом внаем; на территории кирпичного и черепичного заводов было сломано все, что можно было сломать. Потери Московского приказа были оценены в 36 400 руб. ассигнациями [5, с. 86]. Но современников этой войны удивил тот факт, что «даже занятие многих губерний неприятелем и связанное с войной расстройство дел частных лиц не остановили благотворительности: денежные суммы в Приказ общественного призрения перечислялись в размерах, не менее прежних» [3, с. 259, 304–305].

Разорения не обошли и белорусские Приказы. Минский приказ лишился больницы, воспитательного и рабочего домов, суконной фабрики, которые после войны так и не были восстановлены. Суконной фабрики и дома для умалишенных лишился Могилевский приказ [5, с. 114].

Еще одним бедствием для экономики Российской империи стала финансовая «диверсия» армии Наполеона. Во время французской оккупации Москвы город и губерния наводнились большим количеством искусно изготовленных подделок высокого качества. В отличие от настоящих, они имели орфографическую ошибку: вместо «ходячею» монетой и «государственной» ассигнации на них было отпечатано «холячею» и «госуларственной», имелось факсимиле подписей, в то время как на настоящих подписи были чернильными и написанными от руки. Общий объем таких фальшивок составлял менее одного процента всех циркулировавших в это время бумажных денег. После окончания войны в течение нескольких лет было изъято 5,6 млн. руб. фальшивых денег [2, с. 79–81].

Война 1812 г. способствовало эвакуации большинства кредитных учреждений и их персонала, разрушению зданий, потери движимого и недвижимого имущества. Несмотря на военную разруху, приказы быстро возобновили свою деятельность и вполне успешно вели свои операции. Восстановление работы банков потребовало несколько большего времени. Денежное обращение, подорванное выпуском фальшивых бумажных денег и постоянными военными расходами, потребовало проведения денежной и финансовой реформ.

1. Бугров, А.В. Очерки по истории казенных банков в России / А.В. Бугров. – М.: Научно-технический центр «КВАН», 2003. – 288 с.

2. Бугров, А.В. Первые банки в Москве: 175–1860 гг. / А.В. Бугров / Приложение к журналу «Банки и технологии». – М.: Спецкнига, 2007. – 152 с.
3. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: в 7 т. / Н.В. Варадинов. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1858–1862. – Ч. 2. Кн. 2.: Период преобразования министерств. С 1810 по 19 ноября 1825 г. – 1862. – 604 с.
4. Государственный банк к столетию Отечественной войны. – СПб., 1912.
5. Дуплий, Е.В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки / Е.В. Дуплий. – М.: Типография «Медина-принт», 2005. – 124 с.
6. Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г. – СПб., 1818.
7. ПСЗ. Собр. I. – Т. 32. – СПб., 1830. – № 25186.

М.Ф. Шумейко

ВОЙНА 1812 ГОДА В СУДЬБЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Значительное архивное наследие Великого княжества Литовского (на территории Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской земель существовало свыше 200 судов и каждый из них имел собственный архив [1, с. 25–26]) с началом войны 1812 г. фактически было брошено на произвол судьбы, испытывая на себе все ее превратности. Находившиеся на территории белорусских губерний архивы перемещались по разным направлениям: местной российской администрацией в порядке эвакуации на восток; французами и их союзниками-поляками – на запад. Одним из немногих, не пострадавших от наполеоновского нашествия архивохранилищ, стал архив управления Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства. Он своевременно был вывезен в Псков и впоследствии благополучно возвратился в Вильно.

Еще 4 июня 1812 г. гродненский гражданский губернатор В.С. Ланской [2, с. 24–27] направил виленскому военному губернатору секретный рапорт о мерах к перевозке архивов присутственных мест. В нем говорилось, что в первую очередь предполагается вывезти архивы, содержавшие сведения о земле. 7 июня виленский военный губернатор направил виленскому гражданскому губернатору секретное предписание о вывозе казенных сумм и архивов в Псков [3, с. 39–42].

13 июня начальник Гродненского гарнизона атаман Платов послал казачьи разъезды по Неману от Гродно до Меречи, и одновременно отправил из Гродно в Псков наряду с военными запасами, казенным имуществом, оружием, амуницией и архивы. Однако из-за быстрого продвижения Наполеона сообщение с Псковом было прервано и обозы с имуществом и архивами пошли через Слоним и Новогрудок на восток. Первый эшелон, в котором находились дела Гродненского губернского правления, были отправлены в Минск, где их через несколько недель захватили французы. Часть архивов, правда, достигла Москвы, где они погибли во время пожара российской столицы. Из Белостокской области имущество и дела были вывезены генерал-майором Иловайским 4-м на 1800 подводках и затем по пути, дабы не попали в руки французов, сожжены между Несвижем и Слуцком по приказу интенданта 2-й армии. Масса дел была брошена разбежавшимися подводчиками в Королевском Мосте Пружанского уезда; некоторые попали в Ломжу, откуда впоследствии часть их возвратилась в Белосток [4, с.1–2]. Значительное количество документов было уничтожено в ходе военных действий: сгорели все древние акты, хранившиеся в Кобринском уездном суде, погиб архив Борисовской духовной управы [5, л. 31].

Еще хуже обстояло дело с архивами восточных белорусских губерний, в значительной своей части остававшихся на местах и подвергшихся разграблению, а зачастую и уничтожению противником.